

С. Э. Зверев

Миф фронтового товарищества в немецкой воинской субкультуре периода Второй мировой войны

Статья посвящена анализу феномена фронтового товарищества в германской армии Второй мировой войны. Отмечается, что способность к истинному товариществу сильно варьировалась в зависимости от периода времени войны, рода войск, морально-нравственного состояния военнослужащих. Делается вывод, что угасание человечности в немецких солдатах вследствие нарастания ожесточения боев, индигировалось в характере их речи, что, в свою очередь, препятствовало способности к самоорганизации военнослужащих и подразделений. В этих условиях фронтовое товарищество усилиями нацистской государственной пропаганды превращалось в миф.

Ключевые слова: фронтовое товарищество, воинская субкультура, социально значимая речь, речевое воспитание

Sergey E. Zverev

Myth frontline partnership in the German military subculture during the Second World War

The article is devoted to analysis of the phenomenon of frontline partnership in the German army of World War II. It is noted that the way of true partnership varied strongly depending on the time period of the War, the troops, the moral status of servicemen. It is concluded that the extinction of humanity in the German soldiers because of the influence of the hardness of fights, undesirable in the nature of their speech, which in turn hindered the ability for self-organization of military personnel and units. Under these conditions, the front-line partnership efforts of the Nazi state propaganda has become a myth.

Keywords: frontline fellowship, military subculture, socially significant speech, speech education

Изучение немецкой солдатской риторики периода Второй мировой войны оказывается тесно связанной с уяснением вопроса о том, какую роль играло в германской армии фронтовое товарищество. Причем судить о нем надо не столько с позиции сначала германской, а затем и нацистской государственной пропаганды, широко рекламировавшей верность окопных «камрадов» друг другу как основу солдатской чести, сколько с точки зрения условий возникновения этого феномена и степени его влияния на боеспособность вермахта.

Надо сразу оговорить, что того значения, которое фронтовое товарищество имело для пехотинцев, артиллеристов и военнослужащих специальных войск, воспоминания немецких летчиков и танкистов не демонстрируют. Для них и особенно для элиты вермахта – летчиков люфтваффе – война проходила на некотором «расстоянии» от противника, который воспринимался не как Иван с ППШ, с распыленным в крике «ура» ртом, прущий на твое пулеметное гнездо, а как **цели** – коробочки кораблей, танков, автомашин или окопы с торчащими из них стволами артиллерийских орудий.

Смерть для них не была настолько персонафицирована и страшна, как для солдат пехо-

ты. Она приходила внезапно и ниоткуда, когда и испугаться ее толком не успевали. К тому же опасности и гибели вполне можно было избежать (или, по крайней мере, надеяться на это), мастерски управляя своей техникой, выполняя в бою четко определенные обязанности в составе экипажа. Оттого так развито было в авиации и танковых войсках соревнование в количестве уничтоженных **целей** и амбициозная погоня за званиями и наградами. От соревнования был отделен дух соперничества, конечно, соперничества дружеского, но все же разделявшего интересы «тузов» всевозможных мастей и храбрых рыцарей «панцерваффе». По распространению, которое получила в вермахте военная геральдика, можно судить, что самолет, танк или самоходка для их экипажей были не просто штатной единицей. Неслучайно воспоминания танкистов и летчиков пестрят описаниями технических приспособлений: прицелов, агрегатов и механизмов, вооружения и способов его применения; тактики боев, но в них редко и вскользь говорится об однополчанах.

Другое дело пехота. Там рассчитывать можно было только на себя и на соседа, который один в критический момент мог прикрыть тебя и спасти от смерти, причем смерти в самом страш-

ном ее обличье, – исходящей от **человека**. Поэтому в классическом и чистом виде фронтовое товарищество встречалось в вермахте только, пожалуй, в войсках, которые хотя бы эпизодически видели лицо своего врага.

Но даже в пехоте, для которой товарищество в дополнение к традиционно сильно развитому у немцев **Pflicht**¹ играло роль **моральной санкции на убийство**², оно не было величиной постоянной. Уже во время «русского марша» лета 1941 г. говорить о нем можно было с большой натяжкой. Оно не играло значительной роли и не определяло боеспособность вермахта по причинам крайнего напряжения боевых действий, суровых природных условий и жестокости.

Особенности русского театра военных действий немецкие солдаты ощутили на себе практически сразу.

Во-первых, просторы России вынудили германскую пехоту совершать длительные, чрезвычайно утомительные марши на пределе человеческих сил, стремясь успеть за быстро продвигавшимися танковыми и моторизованными соединениями. Чего стоило пехотинцу наступление в летние месяцы только начавшейся войны, хорошо показано Ф. Бельке: «Этот мучительный подъем, когда шатаешься и не можешь прочно держаться на ногах, боли как в тиски зажатых ногах, трение песка во вскрытых санитаром в последний вечер пузырях, а также чувство, как будто стоишь на „резиновых шарах“, причиняемое новыми пузырями! Лишь очень медленно ноги входят в равномерную ходьбу»³. К концу дневного перехода солдаты нередко не могли держаться не только на ногах, но даже и на коленях. Это приводило к крайнему изнурению и своеобразному оупению солдат, «отмотавших» по фронтовым дорогам не один десяток километров.

Во-вторых, пехота, которая всегда выносит на себе основные тяготы войны, была поставлена в невообразимые условия ввиду чрезвычайно растянувшихся коммуникаций и трудностей, с которыми столкнулись тыловые органы германской армии в попытках наладить снабжение войск. По железным дорогам гнали самое необходимое для войны: технику, пополнение и боеприпасы. Колонны автотранспорта оказались весьма уязвимыми и сильно страдали, как показывают мемуары Г. Сайера, от действий партизан, благодаря чему доставка войскам положенного довольствия скоро стала расцениваться почти как боевая операция.

Поэтому немецкие пехотинцы, насколько можно судить по воспоминаниям ветеранов, в России постоянно испытывали чувство голода.

Вынужденное самоснабжение огрубляло нравы, тяжким бременем ложилось на население оккупированных областей и порождало множество эксцессов. Так, унтер-офицер В. Вольфзангер записывал в дневнике, как они, «несмотря на пулеметный огонь и снаряды, ложившиеся вокруг нас, достигли окраины города и вломились в первые же дома. Безжалостно расстреливали жителей и спешно нагужали вещицы мешки легкой добычей: медом, салом, сахаром, свежим хлебом»⁴. Со временем питаться за счет побежденных по доброй традиции «валленштейновой саранчи» входило в привычку, порождая все более жестокие формы обращения с местным населением.

По мере нарастания ожесточения боев пока еще бодро марширующая на Москву германская пехота постепенно деградировала в моральном плане. Проявлялось это в превалировании витальных потребностей солдат над всеми прочими и неразрывно связанной с этим деградацией человеческих и товарищеских взаимоотношений. «Все свои благородные порывы, как и самого Бога, готов был променять на кусок хлеба, – писал В. Вольфзангер. – **В этом новом для себя мире я не имел друзей.** Здесь каждый заботился только о себе, ненавидел того, кому досталась богатая добыча, ни с кем не делился, только менял что-то одно на другое, пытаясь обмануть своего товарища по несчастью. **Никто не вел ни с кем никаких бесед** (выделено мной. – С. 3.). Более слабый становился беспомощным, которого все оставляли в беде. Все это угнетало меня, но я стал таким же жестоким, как и другие»⁵. И это был еще не конец, а самое начало «русского марша».

Обратим внимание: **никто не вел ни с кем никаких бесед**. Поначалу немецких солдат очень выручали разговоры в своей среде, одобренные соленым юмором, на хехитрых «посиделках» в русских избах в короткие спокойные минуты перед отходом ко сну. «Трудно описывать такого рода вечернюю беседу, – вспоминал Г. Пабст. – Так много в самой атмосфере этой беседы; в том, как люди сидят, положив локти на колени или откинувшись назад с согнутыми руками. Конечно, иногда мы переживаем депрессию, но говорить об этом не стоит, потому что самое лучшее в нас проявляется в юморе. Например, мы достаем карту и говорим: „Теперь, как только мы попадем в Казань...“ или „Кто-нибудь знает, где Азия?“. Сегодня кто-то сказал: „Мы будем дома на Рождество...“ – „Он не сказал, какого года“, – бросил другой ухмыляясь»⁶.

Нетрудно заметить, что с таким же успехом разговоры эти могли вести герои Э.-М. Ремарка в блиндажах и окопах во Фландрии в годы Первой

мировой. Однако с усугублением трудностей похода возможности обращения к релаксирующей практике «народной смеховой культуры» выпадали все реже. Когда противник начал оставлять после себя нетопленные, полуразрушенные хаты, немцам стало совсем уже не до разговоров и не до шуток.

В битве под Москвой флер цивилизованности с немецких солдат на передовой слетел окончательно, освободив место первобытным инстинктам. Вольфгангер приводил пример солдата, убившего крестьянина и его жену только за то, что в отчаянии они пытались защитить от полного разграбления собственный дом, умоляя оставить и им хоть немного съестного на зиму. В сущности, германская армия **повторила** судьбу армии Наполеона, тоже напомним, воспитывавшей исключительно на соображениях **практической морали**. Повторила, по крайней мере, в плане морального падения: «Кусок хлеба был сокровенной и неосуществимой мечтой... Кое-кто уходил в себя, большинство же находило выход в азартных играх, жестокости и ненависти или занималось онанизмом»⁷.

Дух фронтового товарищества возрождался, только когда немецкие войска переходили к обороне, но и то, в условиях относительной стабилизации фронта, как это было, например, в районе Ржевского выступа. Неудивительно, что рассказам об этом действительно славном для немцев «осадном сидении» посвящена едва ли не большая часть мемуаров ветеранов германской пехоты.

Почему же чувство товарищества больше «предпочитало» оборону? Ну, во-первых, даже активная оборона, которую практиковали немецкие войска, – это не стремительные марши на пределе выносливости, выбивавшие из людей все прочие мысли, кроме как о стертых в кровь ногах. Во-вторых, в обороне, в обжитых блиндажах и окопах (а то, как хозяйственные немцы умели «устраиваться» в поле, неизменно приводило в удивление советских солдат) даже русские морозы не воспринимались как катастрофа. К тому же германское командование и промышленность на удивление быстро смогли сделать выводы из печального опыта зимы 1941 г., обеспечив войска легкими и эффективными обогревателями, которые работали буквально на любом топливе. И, в-третьих, как бы ни относились молодые и излишне самонадеянные воспитанники гитлерюгенда к «Божьему суду», его, как говорится, никто не отменял. Солдат в приведенном выше примере из дневника В. Вольфгангера, разможивший прикладом череп крестьянину и застреливший его жену, был убит пулей в голову в тот же вечер.

Под Ржевом немцы конечно еще подсчитывали с удовлетворением количество оставшихся перед их окопами после неудачной атаки мертвых иванов, но такого неприкрытого зверства, как во время «русского марша», не демонстрировали.

Наоборот, некоторые «удобства» и досуг, доступные на оборонительных позициях, способствовали возрождению человеческого взаимоотношения. За человека в себе на войне надо было бороться хотя бы для того, чтобы не разделить бесславную участь упомянутых «героев» подмосковной эпопеи. «Вечер за вечером ведем оживленные дискуссии, – описывал Г. Пабст свое времяпровождение на артиллерийском наблюдательном пункте, – **пытаясь давать работу нашему уму и не давая освобождаться от иллюзий** (выделено мной. – С. 3.)... По вечерам мы говорим о литературе и искусстве, об истории, языках и философии, а иногда декламируем забытые стихи, вспоминаем о прошлом и мечтаем о будущем»⁸.

Вместе с оживлением **речевой деятельности**, обращенной к серьезной мысли, в заскорузлые в крови и грязи души возвращалась впитанная в детстве религиозность и любовь: «Одно кажется справедливым почти в отношении всех: на Востоке солдаты приобретают способность к более глубокому проникновению в чистоту прочных уз привязанности. Они стали глубоко осознавать, насколько сильно привязаны к своим женам и детям, до того, что их тоска ощущается как преданность, а за грубыми словами скрывается чувство, перерастающее в нечто священное. Они постепенно вновь становятся благочестивыми»⁹.

И очень человеческая надежда на бессмертие – бессмертие не в памяти партии или государственной памяти народа, а в памяти личной, родовой, семейной – также накладывала отпечаток на образ мысли и выбор тем разговоров немецких солдат: «Есть кое-что, о чем мы говорим снова и снова. Это старо как мир, об этом думают и говорят тысячи раз, и все же это становится для нас все более и более важным. Я не говорю тут лично о себе, это вопрос не личный. Это вопрос, который в том или ином виде занимает всех находящихся здесь: „Что случится, когда я умру? Хорошо ли было бы, если бы я продолжал жить в своем ребенке?“. Некоторые люди говорят: „Нет, у тебя нет права оставлять вдову с маленьким ребенком...“. Но мне кажется, что у них не очень сильный аргумент»¹⁰.

Только при таком состоянии общественно-го сознания, сформированного разговорами – разговорами, носившими не характер психотерапевтического сиюминутного **действия** (по образу солдатского юмора, о чем мы писали

Миф фронтового товарищества в немецкой воинской субкультуре...

выше), а полноценной речевой *деятельности* в германской армии могло возникать и крепнуть чувство настоящего фронтового товарищества. Это чувство нельзя путать с тем, что связывало гитлеровские орды на пути к Москве. То было не товарищество, а **круговая порука** молодых торжествующих убийц, рассыпавшаяся в прах после первых серьезных испытаний. Когда Сайер пишет: «Дружба на войне дорогого стоила: может быть, ей способствовала общая ненависть, сплотившая людей»¹¹, – он просто не понимает природу дружбы, которая не может питаться ненавистью. Он, семнадцатилетний мальчишка, полужанцуз-полунемец, отчаянно пытавшийся **доказать** окружающим, почувствовать себя **своим** в немецкой армии, только принимал идеализируемое желаемое за действительное. Читая его воспоминания, надо отдавать отчет, что они написаны человеком, глубоко пострадавшим от войны.

И не само по себе товарищество составляло силу вермахта, как ошибочно полагает Д. Краут¹², а краткие периоды возвращения к человечности, что и заставляло людей совершать настоящие подвиги, которые измерялись совсем не количеством истребленных неприятелей, а способностью к самопожертвованию, как о том с полной определенностью свидетельствовал Ф.-Й. Лангер: «Дух людей на передовых позициях просто достоин восхищения! Употребляющееся (часто фальшиво. – С. З.) слово товарищество, пожалуй, только здесь звучит точно. Здесь не знают ни ссор, ни чванства. ... Вот небольшой пример. Вчера один человек в пользу другого отказался от отпуска. Сегодня он погиб»¹³.

Возвращение к человечности определяло способность к товариществу, а не взятое само по себе товарищество облагораживало и возвышало немецкого солдата. Человечность придавала красоте человеческим взаимоотношениям, поднимая их до уровня любви, которая по слову апостола «не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла... всего надеется, все переносит»¹⁴, что и помогало немецким солдатам переносить напряжение боев и суровость русской природы. Прекрасный пример таких взаимоотношений описан в дневнике Г. Пабста:

Рано утром я шел по траншее и наткнулся на часового – маленького человека с круглым лицом под стальной каской. Он стоял там один, съезжившись от холода, переминаясь с ноги на ногу. Какой-то человек выскочил из блиндажа, высокий, худощавый парень с рыжей бородой. Они дружелюбно поприветствовали друг друга. «Не осталось сигаретки, старина?» – спросил

низкорослый. «Конечно, найдется, – сказал долговязый улыбаясь. – Подожди секунду, я принесу». «Знаешь, – сказал часовой, когда тот удалился (и чувствовалось, что ему с самого начала хотелось сказать это), – мы большие друзья, нас водой не разольешь». Его круглое лицо светилось, и **он был счастлив, что я стою здесь, чтобы порадоваться этому великому и прекрасному человеческому чувству** (выделено мной. – С. З.). Высокий вернулся, и оба они прислонились к стенке траншеи, затягиваясь поочередно сигаретой¹⁵.

Победа немцев на Ржевском выступе была победой моральной, победой человечности над ненавистью¹⁶, что еще раз подтверждает справедливость основного нравственного закона войны, который не подчиняется высшим соображениям справедливости или несправедливости целей той или иной воюющей стороны, но целиком основывается на состоянии духа солдат и офицеров, идущих в свой возможно **последний и решительный** бой. Эта моральная победа позволила немцам даже после Москвы и Сталинграда еще некоторое время сохранять ощущение **превосходства** над советскими войсками, которое вело их в бой под Курском и едва не качнуло чашу весов в сторону Германии.

Примечательно, какую роль играл характер солдатской риторики в процессе возвращения к человечности и нравственности и обратно. Ибо примерно в это же самое время и в том же месте В. Вольфгангер записывал в дневнике: «Наше товарищество возникало из зависимости друг от друга людей, собранных в одном замкнутом пространстве. Наш юмор стал состоять из злорадства. Это был юмор висельников, сатиров, наполненный собранием непристойностей, язвительностью, яростью и игрой со смертью. Солдаты, покрытые вшами, гноем и экскрементами, не пытались напрягать мозги. Они не утруждали себя ничем. То, что мы были солдатами, служило оправданием наших преступлений и потери человеческого облика, служило основой существования в этом аду. Наши идеалы ограничивались табаком, едой, сном и французскими проститутками»¹⁷.

Лучшего примера обусловленности общественного бытия общественным сознанием посредством общественной речи, пожалуй, трудно отыскать. Не надо только ставить телегу впереди лошади. Как не найти лучшего примера в пользу того, что **речевое воспитание может осуществляться только в процессе приобщения к социально значимой речи, которая реализуется в речевой деятельности**. У Вольфгангера мы видим, что одни **речевые действия** (юмор,

сатира, разговоры на пустые и непристойные темы), направленные на снятие боевого стресса, лишённые поддержки в **речевой деятельности**, мотив которой лежит в ней самой, в раскрытии и выражении личности в речи, со временем теряют способность достигать даже заложенных в этих действиях целей. Соответственно и общественное сознание, бьющееся в замкнутом круге опешающих его тем, стремительно деградировало, что сказывалось и на быте и на взаимоотношениях. Товарищество в этой цитате скорее подошло бы заключить в кавычки.

Нет ничего удивительного в том, что при таком отношении к речевому воспитанию в тяжелых условиях Восточного фронта масса немецких солдат тяжело деградировала. Как следствие – ожесточенность продолжала нарастать даже без учета воздействия национал-социалистической пропаганды. В сознании части немецких солдат, уцелевших после кампаний 1941–1942 гг., происходили чрезвычайно любопытные метаморфозы. В двух словах состояние их можно было описать так, как это сделал Вольфгангер, когда после ранения решил отправиться обратно на Восточный фронт, что он сам называет «сплошной авантюризм и жажда приключений»¹⁸.

Это был, можно сказать, «синдром Восточного фронта», возникший, подобно тому как четыре десятилетия спустя появился «афганский синдром». «Мною одолела какая-то жажда вновь пережить все страдания, тяжелый труд и дожидаться мира... В России я должен был снова обрести себя, там должна быть закончена моя дорога в процессе моего становления или гибели... Я больше не чувствовал страха смерти»¹⁹, – писал Вольфгангер, оказавшись летом 1943 г. под Смоленском. Примерно те же ощущения не давали покоя находившемуся в резерве знаменитому асу Г.-У. Руделю: «Уже долгое время я думаю о том, что уже несколько месяцев нахожусь дома, и внезапно я понимаю, как мне не терпится попасть на фронт. Я постоянно мучаюсь, что меня так долго держат от него подальше... Я нервничаю оттого, что долгое время не принимаю участия в войне»²⁰. Уже одно то, что схожие симптомы наблюдались у простого пехотинца и прославленного летчика говорит о широкой распространенности в вермахте указанного «синдрома».

Нет сомнения, что люди, не испытывающие страха смерти и тоскующие по войне, крайне опасны для противника. Именно такого рода «перерождению», а не культивировавшейся пропагандой химере «товарищества» была обязана немецкая армия относительно высокой боеспособностью в период 1943–1944 гг. «Переродив-

шиеся», как правило, ярые индивидуалисты, в очень небольшой степени испытывали потребность в истинном товариществе. Страдавшие (если корректно будет так выразиться) «синдромом Востфронта» солдаты и офицеры не сильно тянулись к общению и открытости²¹.

В этот период в германской армии особенно четко выделялись две группы: ветераны и необстрелянная молодежь. Собственно, воевали первые, вторым была уготована роль «пушечного мяса», заполнявшего поля сражений, койки госпиталей и могилы под березовыми крестами, увенчанные стальными шлемами. О первых прекрасно сказал Г. Пабст: «Есть что-то во взгляде их глаз, что отличает их от всех прочих. Они несокрушимы. Это те, кто ведет войну. Они маячат повсюду, ввязываются во все предприятия. Опасность их привлекает, им нравится играть со смертью. Такие люди редко попадаются. Они слишком быстры, слишком умелы, слишком решительны. Они овладевают игрой и ведут ее продолжительное время...»²².

Естественно, что, как признавал сам Пабст, с такими людьми было «чрезвычайно трудно ладить»; это говорило о том, что между ветеранами и новичками лежала глубокая пропасть непонимания. Молодежь и опытные солдаты в 1943 г. говорили на совершенно разных языках, если это вообще было разговором. В то время как первые, можно сказать, еще не вылупились из кокона государственной пропаганды, вторые совершенно не испытывали потребности наставлять их на путь истинный. О каком же фронтовом товариществе тут может идти речь?

Манера общения «переродившихся» была все тем же суррогатом речевых действий, призванных теперь уже заполнить выжженную жестокостью пустоту их внутреннего мира, которую они тщетно пытались компенсировать игрой на нервах, прохаживаясь рука об руку со смертью. «Мы сами нарывались на приключения, – читаем у Вольфгангера, – как будто хотели испытать судьбу: умереть или вернуться домой. Но мы не особенно волновались, рассчитывая на счастливый исход. Не знали, смогли ли бы жить без войны и без России. Когда ветреный солнечный день пробуждал мою тоску о родине, я думал о чтении романов, играх на пляже, но в то же время чувствовал себя при этом каким-то актером в невероятных ролях. Тогда мы предавались мрачному юмору. Мы насмехались над смертью и опасностью, искажали реальные события и превращали все наши мысли в гротеск. Как мальчишки, мы совершали смертельно опасные разведывательные вылазки, желая рассердить русских, в то время как постоянно росло число касок над крестами наших могил. Мы ста-

рались быть ироничными, играли со смешными оборотами речи и заливались беспричинным смехом»²³. То, что они принимали за товарищество, в сущности, было кружком заговорщиков, лишенных истинного понимания и ощущения жизни, который в последний год существования рейха превратился в сплоченную группу соучастников преступления против жизни.

Темы солдатских разговоров в 1943-м были очень похожи на те, что были распространены летом 1941-го с той существенной разницей, что два года войны практически не оставили в сознании даже твердокаменного сторонника национал-социализма оптимистической надежды на близость победы над упорным врагом. Отсюда юмор, скрашивавший жизнь вечерами после трудных верст «русского марша», постепенно уступал место шутовству, а в глубине души немецкого солдата крылось элементарное бесчувствие, исключавшее возможность какого-либо обращения к человечности.

Обратимся снова к Вольфзангеру: «Бесчувственность, которую я пытался привить в себе в противовес страхам, ужасу и безумию, подавляла нежные порывы, еще остававшиеся в моей душе, лишала меня надежды, надламывала веру в людей и любовь к ним, превращала сердце в камень»²⁴. Неудивительно, что душевную пустоту надо было как-то маскировать и компенсировать. Одним из способов стало превращение истинного фронтового товарищества в **миф**, который поддерживали и утверждали обе заинтересованные стороны – государственная пропаганда и сами фронтовики. И это было еще одним следствием **триумфа мифа над разумом** в нацистской Германии, описанного О. Ю. Пленковым²⁵.

В качестве другого способа выступало средство старое, как мир, и, к сожалению, хорошо знакомое нашему времени: «Мы... вскрывали вагоны с продовольствием, брошенные на путях, тащили ящики с сахаром, вином, консервами и мясом. На следующий день пили красное вино, ликеры и водку, танцевали и пьяными голосами рассуждали о науке. Выходили из вагона, разводили костры и сидели вокруг, охмелевшие от недоброкачественных спиртных напитков и жирной пищи. Настоящий пир во время чумы»²⁶. Пир во время чумы развернулся в вермахте уже в 1944 г., когда время на часах нацистской Германии значительно ускорилось.

Когда «жратвы» оказывалось не так много, чтобы **пировать**, в полной мере проявлялись худшие качества солдат немецко-фашистской армии – бесчувственность и жестокость обращались против своих. Ги Сайер приводит жуткое описание того, что творилось в отступавших

в 1944 г. к границам Румынии войсках: «Солдаты глотки готовы были перерезать кому угодно за козье молоко, пару картофелин или пригоршню пшена. Бегущие волки не щадят никого... Одни умирали, но сохраняли консервированное молоко для молодых и слабых. Других до смерти забивали товарищи, подозревая, что они утаивают пищу... За какие крохи гибли люди! За возможность хоть что-нибудь съесть»²⁷. До товарищества ли им было?

Можно сказать, что после поражения под Курском, потери линии обороны на Днепре и до конца войны **немецкое «солдатство» постепенно утрачивало способность к самоорганизации, духовному росту и возмужанию**. Внимание к удовлетворению витальных потребностей прогрессировало у него пропорционально умалению значения общения, удовлетворявшего не менее важную потребность в социально значимой речи, в «пищи духовной», поддерживавшей проблески сознательности и способность к истинному товариществу.

Немецкие солдаты оказались заживо погребены в выжженных жестокостью и развратом²⁸ неприглядных, холодных темницах собственных душ, не согревавшихся теплотой сердечного товарищеского общения и не озарявшихся лучиком надежды на справедливость борьбы, которая придавала бы смысл жертвам и лишениям. «Не только земля и бревна над землянками отделяли нас от мира, – писал Вольфзангер. – Так же и наши души возводили стену вокруг себя или пытались затаиться от бушующего времени. Мы жили, словно в каком-то заколдованном сне... Я стал авантюристом, бродячим нищим, путешествующим бродягой»²⁹.

В бою они превращались в опасных животных; чем и объяснялось их «умение воевать» во втором периоде войны. Командиры их в этом поддерживали и так прямо об этом и говорили, как говорил Сайеру командир роты капитан Весрейдау: «Только затем вы и вступаете в бой... Вы, озверев, отчаянно обороняетесь даже тогда, когда приказано наступать. Так не бойтесь ничего. Ведь жизнь – это война, а война – это и есть жизнь. Свобода – сказка для простачков»³⁰. Нехитрая жизненная позиция, мораль ландскнехтов очень подходила для новоявленных «суперменов» элитной дивизии «Великая Германия». Философия капитанов весрейдау напротив отрицала единственную свободу, которую даровало человечеству, в том числе и немцам, христианство – свободу от греха, оставляя их коснеть в грехе убийства, не облагороженном никакими высокими мотивами.

И все же миф фронтового товарищества в немецкой воинской субкультуре оказался чрез-

вычайно живуч. Он даровал немецким ветеранам уникальную возможность сказать о себе и **своей борьбе** хоть что-то хорошее. Трагедия поколения немцев, переживших Вторую мировую, заключается в том, что участие в ней под знаменем нацистской идеологии исключило возможность возникновения в немецкой культуре фигуры масштаба Ремарка, который позволил выразить и осознать себя поколению жертв Первой мировой.

Примечания

¹ Долг (нем.).

² Убийство в этом случае рассматривалось не только как необходимое условие исполнения воинского долга и средство эгоистической борьбы за существование, движимой инстинктом самосохранения, но и принимало облагораживающее обличье спасения товарища, жертвы любви, исполнения той самой евангельской заповеди «нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя».

³ Бельке Ф. Дневник солдата. Ржев, 2002 // Искатель: группа воен. археологии: сайт. 1988–2014. URL: <http://1942.ru> (дата обращения: 18.09.2014).

⁴ Живые и мертвые вермахта / Х. Нойенбуш, К. Кноблаух, В. Вольфгангер. М.: Яуза-пресс, 2012. С. 411.

⁵ Вольфгангер В. Беспощадная бойня Восточного фронта. М.: Яуза-пресс, 2010. С. 59–60.

⁶ Пабст Г. Дневник немецкого солдата: военные будни на Восточном фронте. М.: Центрполиграф, 2004. С. 48.

⁷ Живые и мертвые вермахта. С. 421.

⁸ Пабст Г. Указ. соч. С. 66.

⁹ Там же. С. 70.

¹⁰ Там же. С. 84–85.

¹¹ Сайер Г. Последний солдат Третьего рейха / пер. с англ. С. А. Данилина. М.: Центрполиграф, 2002. С. 95.

¹² Краут Д. «Окопная правда» вермахта / пер. с англ. П. Смирнова. М.: Яуза-пресс, 2009. 320 с.

¹³ Лангер Ф.-Й. Картины, отвоеванные у войны. Ржев, 2002. С. 16.

¹⁴ 1 Кор. 13:4–7.

¹⁵ Пабст Г. Указ. соч. С. 137–138.

¹⁶ Точнее над советской пропагандистской кампанией ненависти, опрометчиво нагнетавшейся в Красной армии в 1941–1942 гг.

¹⁷ Вольфгангер В. Указ. соч. С. 133–134.

¹⁸ Там же. С. 148.

¹⁹ Там же. С. 147, 164.

²⁰ Рудель Г. У. Пилот «Штуки»: мемуары аса люфтваффе, 1939–1945. М.: Центрполиграф, 2008. С. 68.

²¹ Как и наши «афганцы». Вот еще один довод в пользу изучения истории.

²² Пабст Г. Указ. соч. С. 98.

²³ Вольфгангер В. Указ. соч. С. 180.

²⁴ Там же. С. 181.

²⁵ Пленков О. Ю. Торжество мифа над разумом. СПб.: Владимир Даль, 2011. 608 с.

²⁶ Вольфгангер В. Указ. соч. С. 210.

²⁷ Сайер Г. Указ. соч. С. 418.

²⁸ Под развратом мы понимаем, конечно, не только разврат физический, так сказать, телесный, но и разврат национал-социалистической идеологии, разврат умственный и духовный.

²⁹ Вольфгангер В. Указ. соч. С. 216.

³⁰ Сайер Г. Указ. соч. С. 254.